

Л. А. Лещенко

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Республика Беларусь, г. Гомель
 Научный руководитель: И. Ф. Штейнер

ЯН БАРЩЕВСКИЙ И ЭДГАР АЛЛАН ПО: НАЦИОНАЛЬНЫЕ РОМАНТИКИ

Известно, что в поворотные моменты исторического развития сверхъестественный элемент в литературе выходит на первый план. Через призму чудовищного и фантастического писатели осмысливают моральные, эстетические и психологические проблемы общества. Именно поэтому произведения Яна Барщевского и Эдгара Аллана По, чьи работы полны фантастических элементов, представляют интерес для сравнительного анализа зрелого романтизма в творчестве отдельных, неевропейских наций.

Влияние британских и немецких романтиков на творчество авторов всего мира трудно переоценить, но темы и проблемы европейской литературы XIX века не были актуальны ни для Беларуси, ни для Америки. На белорусских землях царил неудовлетворенность реальностью после разделов Речи Посполитой, начинали зарождаться идеи, которые впоследствии переросли в национально-освободительную борьбу. Здесь преобладало двуязычие — одновременная полонизация и русификация наложили свой отпечаток и существенно затормозили начало самоопределения белорусов как нации.

В Америке же творчество Эдгара Аллана По отражает национальные особенности литературы, которая в этот период только формируется: любопытство к проблемам человеческого духа, поиск новых форм в искусстве через синтез воображения и рационального подхода.

Поэтому Ян Барщевский «не копировал формы, которые нравились английским, немецким или французским писателям» [2, с. 81], а По традиционно критиковался как «романтический беглец», а его работы всегда «вырывались из контекста» американским романтизмом. Но еще в 1910 году Аничков писал, что «Эдгар По... не должен быть представлен неким отщепенцем в американском обществе. Если присмотреться к нему поближе, то он, напротив, будет наиболее типичным американцем, обладающим высокой степенью всех качеств, которые он сам был склонен приписывать американцам» [1, с. 230].

Надо полагать, что за годы работы редактором в различных журналах Эдгар По развил профессионализм, по-новому взглянул на общие задачи литературы, чтобы учесть потребности читателей. На творческом развитии Яна Барщевского также несомненно сказалась работа редактором альманаха «Незабудка», а еще жизнь в Петербурге и знакомство Адамом Мицкевичем и Тарасом Шевченко. Учеба Яна Барщевского у Мицкевича хорошо исследована в работах М. Хаустовича. Известно также, что Шевченко «призывал белорусов не оставлять своего труда для народа».

Спустя время публика потеряла интерес к рассказам немецкой школы. Творческая эволюция романтических жанров происходила повсеместно. Рассмотрев работы наших авторов более подробно, мы заключаем, что они оба прошли путь Вальтера Скотта — от поэзии и баллад до прозы.

Ян Барщевский писал, что «баллады были началом того, о чем он намеревался сказать более подробно» [2, с. 8]. Р. Подбереский сказал, что «баллады послужили ему для оживления воображения, он сам говорит, что, если бы он не писал баллад, он не писал бы прозу». Оба автора часто развивают сюжеты баллад в своей дальнейшей прозе. К примеру, баллада «Заросшее озеро» и повесть «Рыбак Родька» Яна Барщевского связаны между собой сюжетно. Стихотворение Эдгара По «Морской город» с его символическими образами «Смерть на троне», «царство мертвых» через несколько лет развилось и переросло в повесть «Король Чума» и притчу «Тишина».

Ряд их рассказов можно назвать своеобразными балладами в прозе. Главное — «передать балладную концепцию взаимоотношений человека и мироздания, утвердить

трагические и величественные противоречия жизни, в которой человека ждут мрачные испытания, страдания, а зачастую и смерть» [4, с. 187].

Известно, что романтики стремились к синкретизму жанров, к смешению стилей, к стиранию различий между прозой и поэзией. Поэтому до сих пор ведутся споры о жанровой принадлежности прозы и Эдгара Аллана По, и Яна Барщевского.

Обращение к прозе можно рассматривать как закономерное явление, свидетельствующее о достижении писателями духовной зрелости, позволившей им осознать опасную ограниченность ими самими установленных границ поэтической сферы.

Таким образом, сквозь призму белорусских легенд и мифов Ян Барщевский показывает особенности жизни, морально-этический облик жителей Беларуси, верящих в злых духов, оборотней и колдунов. В книге «Шляхціц Завальня» сверхъестественное и фантастическое используется писателем не только для возбуждения любопытства читателя, но и для передачи глубокого смысла историй, суть которых в том, что только труд и вера в Бога и сочувствие ближнему своему человек может творить добро.

В отличие от поэта, По-прозаик видит цель в понимании истин человеческого существования. Универсальность этих истин требует абсолютного единства между автором и читателем, который должен чувствовать себя сообщником автора в поисках Истины. Для этого автор с помощью исходной идеи должен привлечь внимание читателя и удерживать его на протяжении всего произведения, прежде всего за счет использования художественных средств, соответствующих идее. Возможность полного воплощения выбранной идеи По связывает с требованием строгости и компактности структуры произведения, строящегося вокруг задуманного автором основного впечатления, которое он должен произвести на читателя. Во всей работе не должно быть места для эпизода или детали, не помогающей получить желаемый эффект. Строгий сюжет, лишенный боковых линий, приобретает при этом первостепенное значение [3, с. 9].

Если сравнить его новеллы с рассказами людей из «Шляхціца», то мы видим, что здесь также почти нет деталей, образы прорисованы несколькими штрихами, а все внимание читателя-слушателя сосредоточено на развитии сюжета.

Хотя в произведениях обоих авторов и можно найти много фантастического, сверхъестественного и ужасного, они не имели цели испугать читателя, как авторы тех же готических романов. «Если бы кто-нибудь заглянул мне в голову, он увидел бы страшные ужасы. Однако не всегда эти черные мысли в моих мечтах. Они предназначены только для баллад», – писал Ян Барщевский.

Все творчество обоих писателей кажется неожиданной импровизацией, хаосом, но, с другой стороны, доминирует другое – структура и размер отполированных граней бриллианта, строго расписанный кроссворд.

Последнее, на чем хотелось бы сосредоточиться, – это любовь По и Барщевского к загадкам. Каждое явление, предмет в тексте на одном уровне чтения – это просто реальное явление, реальный предмет, а на другом – зашифрованное сообщение, криптограмма, иероглиф, раскрывающий свой тайный смысл только тем, кто может его прочитать. Однако только По мог позволить себе расшифровать криптограмму. Ян Барщевский использовал ту же технику, но для других целей – глубокий смысл произведений был зашифрован из-за царской цензуры.

Подводя итоги, можно сказать, что оба романтика смогли позаимствовать лучший опыт мировой классики, чтобы стать понятными и своим соотечественникам. Через некоторое время они отошли от различных влияний, и каждый разработал свою уникальную манеру, основанную на потребностях общества своих стран.

Список литературы

1. *Аничков Е. В.* Бодлер и Эдгар По // Предтечи и современники. СПб.: Освобождение, 1910. 444 с.
2. *Баршчэўскі Я.* Выбраныя творы / Укладанне, прадмова і каментарыі М. Хаўстовіча. Мн.: “Беларускі кігазбор”, 1998. 480 с.

3. *Проценко И. Б.* Эстетика новеллистической прозы Эдгара По: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. ЛГУ. Л., 1981. 20 с.

4. Баладная і прытчавая проза Яна Баршчэўскага / Іван Штэйнер // ...Пачуць, як лесу валяцца муры: памяці Генадзя Кісялева / [укладальнікі: Л. Кісялева, А. Фядута. Мінск, 2009. С. 178–197.